

АНДРЕЙ КАЗАКОВ

Родился в 1971 г. в Таре. Работает в налоговой инспекции ИФНС № 2 в Таре. Автор книги «Записки смежного человека», поэтического сборника «Короткие замыкания» (Тара, 2008), «Тарский компендиум» (Тара, 2014). Публиковался в литературно-краеведческом журнале «Машина времени. Факт».

**АНГЕЛ, ИЛИ СЛУЧАЙ
В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДКЕ**

*По мотивам рассказа Г.Г. Маркеса
«Очень старый человек с огромными
крыльями»*

Комедия в одном действии

Действующие лица:

Ангел – лысый, плохо одетый старик с огромными крыльями.

Семья Башмаковых:

Пётр – образованный мужчина, около 30 лет. Муж Марины. Окончил институт, но в силу жизненных обстоятельств работает на пилораме. Терпит все упреки жены с кротостью собаки, давно лишившейся иллюзий.

Марина – жена Петра. С виду грубоватая, достаточно властная женщина, не лишённая привлекательности, держащая мужа в ежовых рукавицах. Старше Петра.

Петровна – любопытная соседка Башмаковых.

Батюшка – настоятель местного храма, свято охраняющий каноны церкви. Крепко сбитый мужчина с прекрасным аппетитом. Бывший военный.

Варвара Степановна – болтливая пожилая женщина, следящая за хозяйством в доме настоятеля.

Соседи Башмаковых: трое весёлых и жизнерадостных мужчин разного возраста.

Фельдшер – местный врач.

Сцена 1

Наше время. Дом на окраине провинциального городка. Две комнаты: кухня и спальня. Скромная обстановка. У детской кроватки сидит **Марина**, одетая в простенький халат, и качает ребёнка. Заходит муж, долговязый сутулый молодой человек в мокрой куртке и грязных сапогах.

Пётр (*снимает куртку и сапоги*). Третьи сутки льёт и льёт. Ё-моё. Ну и апрель нынче!

Марина (*громким шепотом*). Ты чё разорался-то? А? Я его еле утыркала, а ты орёшь как резаный! И куда, куда ты прёшься в грязных своих сапожищах?

Пётр (*замешкавшись на входе*). Чё, температура не спадает?

Марина. И не думает. Почти сорок. С ума сойти можно.

Пётр (*проходит в комнату*). Да, дела. Врач-то был? Что сказал?

Марина. Да разве это врач? Пришёл, температуру смерил, горло посмотрел. Вирусная инфекция, говорит. Рецепт оставил и смылся. В аптеку сходить надо. Он вот тут написал, что купить. (*Кивает на стол, там лежит рецепт.*)

Пётр (*подходит к столу и берёт со стола рецепт*). Да, не стало врачей совсем. Одни патологоанатомы. Сейчас схожу. Пожрать есть чё?

Марина. Там в кухне. Картошки пожарила. Капусту сам из холодильника достанешь.

Пётр. Чё, опять картошка?

Марина. А где я тебе мясо возьму? А? От себя отрежу? Да? Принеси, я приготовлю. Пять тысяч получает, а ему мясо подавай!

Пётр. Ну, курицу бы хоть забила.

Марина. Какую курицу? Несушку, да? Молчи уже лучше.

Пётр проходит в кухню. Берёт с плиты сковородку с жареным картофелем и ставит на стол. Из холодильника достаёт банку капусты. Перекладывает её в чашку. Потом на цыпочках идёт к двери, смотрит, где Марина. Убедившись, что она продолжает качать ребёнка, крадется к кухонному шкафу. Подставляет табурет и достаёт из дальнего шкафа початую бутылку какой-то тёмной жидкости и пьёт из горлышка. Увлечшись питьём, он, не удержавшись на табурете, громко падает на пол. Входит **Марина**.

Марина. Ты что тут делаешь-то? Ты псих, что ли? Да? *(Подходит к Пётру и вырывает из рук бутылку.)* Совсем обалдел? Я же этим поясницу натираю! Идиот! А я думаю, что так быстро убывает! *(Убирает бутылку в шкаф.)* Траванёшься когда-нибудь! Траванёшься! Алкаш несчастный! Слепнешь или оглохнешь. Или ноги отнимутся. Или сдохнешь! Кто тогда ребёнка твоего воспитывать будет? А? Я одна не потяну!

Пётр *(встает и отряхивает штаны).* А я что? Я ничего? Замёрз просто. Чтобы не заболеть. Завтра же на работу.

Марина. Ешь давай и в аптеку сходи. На работу ему. Другую уже пора найти работу. За копейки спину гнёшь. Зачем, спрашивается, в институте учился? Образование получал? Вот и молчи.

Марина уходит. **Пётр** ставит на плиту чайник, поднимает табурет, садится и начинает нехотя «клевать» опостылевшую еду. Внезапно раздаётся громкий звук чего-то ломающегося. **Пётр** пугается и давится едой. Кашляет. Входит **Марина**.

Марина. Ты что тут, совсем очумел? Не угомонишься никак?

Пётр *(кашляет).* Я-то тут при чём?! Это на улице что-то.

Марина *(подходит к окну).* Ох, ёёёёё. Крыша на курятнике провалилась. Придавило там, поди, всех моих куриц. Я тебе сколько раз говорила, что крышу там поправить надо? А? А ты что? Всё потом да потом! Что расселся? Пойдём скорей.

Пётр и **Марина** спешат к выходу.

Сцена 2

Пётр и **Марина** входят в курятник и видят **Ангела**, упавшего ничком на пол сарая. Несмотря на отчаянные усилия, он не может подняться, ему мешают его огромные крылья. Он выглядит как старик. Одет в ветхую, поношенную одежду. Несколько бесцветных прядей едва прикрывают лысый череп. Большие пегушиные крылья, грязные и сильно облезшие, увязают в грязи и помёте.

Пётр. Твоюююю мать...

Марина. Что это за хрень! *(Обращаясь к Ангелу.)* Эй, ты кто такой?

Пётр. Ты что не видишь, это же ангел!

Марина *(Петру).* Какой ещё к чёрту ангел! Совсем спятил?

Пётр. Обычный ангел. Старый только.

Марина. И ты можешь так спокойно об этом говорить? Какой-то старик с крыльями упал с неба, проломил крышу нашего курятника, подавил всех моих несушек, а ты – обычный ангел! Что мы теперь жрать будем? И крышу чем латать? А?

Пётр. Так видно же, что ангел! Крылья, да и вообще.

Марина. Да иди ты! Эй *(обращается к Ангелу),* старик, ты чего молчишь-то? Пьяный, что ли? Хотя слово скажи! Аллэ! Откуда ты взялся на нашу голову?!

Пётр. Марина, успокойся, это – ангел. Если он даже тебе и ответит, то вряд ли ты его поймешь!

Марина. Ты меня не успокаивай!

Входит соседка.

Петровна. Что у вас тут случилось? Я сижу, телевизор смотрю, слышу грохот такой, как будто метеорит с неба упал. Что тут у вас такое? *(Выглядывает из-за Петра и Марины.)* Ого, старик какой-то.

Ангел всё ещё выкарабкивается из грязи. **Пётр** подходит к **Ангелу** и помогает освободиться. Потом волоком оттаскивает его в угол сарая и прислоняет к стенке.

Марина. Вот и я говорю, старик. А мой: ангел, ангел.

Петровна *(подходит ближе).* Слушай, а крылья-то, смотри, какие! Ух ты? Это чьи?

Пётр. Чьи, чьи, его это крылья! Не видно, что ли?

Петровна *(рассматривает внимательно Ангела).* Маринка, а Петька-то прав, его это крылья, его.

Марина *(подходит и становится рядом с соседкой).* Да ерунду он говорит, а ты слушаешь.

Петровна. Нет, не ерунду. Он же институт закончил. Не может он ерунду говорить.

Марина. Институт-то закончил, а толку нет! И не слушай его. Он у меня сумасшед-

ший! Но ты-то нормальная! Сама подумай, откуда у нас ангел может взяться? Откуда? Вот чертей здесь полно, а чтоб ангел!

Петровна (*внимательно рассматривает Ангела и трогает крылья*). Но крылья-то есть! Факт!

Марина. Ну и что, что крылья есть. Может, нацепил. В театре вон, поди, слямзил. Там добра такого выше крыши. Вы посмотрите только на него! Какой же это ангел! Старик какой-то. Да и если бы это был ангел, разве бы он несущек моих подавил бы! Зараза!

Пётр. Да ты что говоришь-то такое, Марина! Это же ангел!

Марина. А что мне до того! Он Лёшку нашего прокормит? А? Ему сегодня здесь и сейчас жрать надо, а ангелы подождут. У него ещё все ангелы впереди.

Петровна (*задумчиво*). Нет, не нацепил. Его это крылья. Это ангел. Он, наверное, летел за ребёнком, но бедолага так стар, что его сбило дождём.

Марина. Ты шутишь?

Петровна. Да нет же, я серьёзно. Третьи сутки льёт.

Марина. Ну, и что мне теперь с этим делать?

Пётр. Ничего не делать. Он сейчас не сможет взлететь, надо, чтобы крылья просохли.

Марина. Ой, ты хоть помолчи! Так что же делать?

Петровна. Да, ангелы у нас не каждый день с неба падают.

Марина. Что вы заладили: ангел, ангел! Что же делать-то? (*Обращается к Петру*.) Так, ты давай-ка запри его до утра. Утром разберёмся. А может быть, ещё и улетит, чем чёрт не шутит, и нам забот меньше.

Петровна. И то правда. Утро вечера мудренее. Может быть, всё само собой к утру и рассосётся.

Пётр закрывает курятник на ключ, и все уходят.

Сцена 3

Дом священника, настоятеля местной церкви. Роскошная обстановка. Резная мебель «под старину», картины в духе Коровина. В переднем углу большая икона, перед ней горит свеча. Крепкий и румяный, пышущий здоровьем **Батюшка**, одетый в рясу, сидит за обеденным столом и аппетитно кушает яйцо, установленное в специальную подставку. За воротником белоснежная салфетка. Входит **Варвара Степановна**, налагает на себя крестное знамение и кланяется в сторону икон.

Варвара Степановна. Благослови, батюшка!

Батюшка. Спаси Господи, Варвара Степановна! Как погода? Дождь ещё идёт?

Варвара Степановна. Сегодня под утро закончился, слава Богу. Как спалось вам нынче?

Батюшка. Да всё слава Богу! Надо же, почти три дня лил. Давно такого не было... Что новенького в городе слышно?

Варвара Степановна. Новенького? Ой, даже и не знаю, как вам сказать...

Батюшка. А ты говори как есть. Ничего не скрывай. Как перед Богом. (*Крестится в сторону икон.*)

Варвара Степановна. Ой, батюшка... Такое... даже не знаю...

Батюшка. Ну, что ты заладила: не знаю да не знаю. Что с тобой такое?

Варвара Степановна. Да тут... Ой... Ну, в общем, у Петьки Башмакова со вчерашнего дня в курятнике ангел живёт.

Батюшка. Что?!

Варвара Степановна (*теряясь*). Ну, у Петьки, у Башмакова, того, ну, ангел с неба в курятник упал.

Батюшка. Что ты мелешь-то такое, прости Господи? Какой ещё ангел у Петьки Башмакова?! Кто-то сплетни распускает по городу, а ты повторяешь! Не стыдно? Грех ведь это, или не знаешь?

Варвара Степановна. Да знаю, знаю, батюшка, что грех! Да только я сама своими вот этими вот глазами его видела! Вот вам крест! (*Осеньет себя крестным знамением и кланяется.*)

Батюшка (*встаёт и срывает с себя салфетку*). Да как ты смеешь? Крест ещё на себя налагаешь! Да я тебя...

Варвара Степановна (*падает на колени и крестится*). Истину, истину говорю, батюшка. Истину! Ангел там, ангел!

Батюшка (*немного успокаиваясь*). Я ничего не понимаю! Да какой ещё ангел? Откуда? Расскажи толком.

Варвара Степановна (*встаёт*). Значит, так. Он вчера упал с неба, прямо Башмаковым в курятник. Говорят, что он за ребёнком летел. У Башмаковых, как дождь пошёл, ребёнок шибко плохой был, шибко. Инфекция какая-то была, температура почти за сорок. Петька с Маринкой извелись все. Думали, что преставится младенец. И лекарствами, и травами разными отпаивали, а толку никакого не было ...

Батюшка (*перебивает*). Варвара Степановна, давай без этих лишних подробностей.

Варвара Степановна. Так я и говорю, что ангел этот за ним и летел, наверное. Да у него крылья намокли, третий день ведь как из ведра, вот он в Петькин курятник и упал.

Батюшка. Совсем ты из ума выжила, Варвара, прости Господи! (*Крестится в сторону икон*.) Да как же это такое может быть, чтобы крылья у ангела от дождя земного намокли. Это же ангел! Небесное создание!

Варвара Степановна. Батюшка, я сама не верила, пока не увидела и руками вот этими вот не потрогала крылья его.

Батюшка. Ну и что, что потрогала? Ты этими своими руками много чего трогала, прости Господи (*крестится*). И какой он, этот ангел?

Варвара Степановна. Этот совсем не такой, как на иконах или в книгах. Этот как старичок такой, лысенький, крылья ободранные, взгляд грустный-грустный. Одно слово: святой... блаженный...

Батюшка. Ерунда какая-то! Так, хватит тут мне голову морочить старичками разными и крыльями ободранными. Пойдём, проводишь меня к Башмаковым, я сам всё свои

ми глазами посмотрю. Сейчас, машину из гаража только выгоню и поедем.

Варвара Степановна. И то правда, пойдёмте. А машину не надо, они тут совсем недалеко живут, два шага шагнуть.

Батюшка. Нет, на машине поедем. Грязь вон на улице непролазная. Да и по делам мне потом надо будет ещё в одно место подскочить.

Уходят.

Сцена 4

Раннее утро в доме Башмаковых. Все спят. Вдруг ребёнок начинает громко плакать. **Марина** просыпается и начинает качать кроватку. Плач не прекращается. Тогда она встаёт, вытаскивает ребёнка из кроватки и даёт грудь. Ребёнок замолкает.

Марина. Надо же, кушать начал! Ах ты, мой маленький! Сладенький! Молодец какой! Кушай, кушай, давай... давай... вот так... (*Прижимает губы ко лбу ребёнка*.) А температура-то спала, что ли? Не пойму... Так, надо измерить... (*сильно толкает спящего Петра в спину*) Ну-ка, вставай! Вставай давай! Найди мне градусник. Быстрее!

Пётр (*поднимает голову от подушки*). Что? Сколько время?

Марина. Градусник мне найди. Сколько время... Время срать, а мы не ели. Давай, шевелись.

Пётр встаёт и начинает искать градусник.

Марина. Ну что ты там копаешься? Вон там, на столике посмотри.

Пётр никак не может найти градусник.

Марина. Да что же ты бестолковый-то такой! Вон там и там посмотри!

Пётр находит градусник и подаёт его жене.

Марина. Ну, слава Богу. Не прошло и года (*ставит градусник*).

Пётр. Есть, что ли, начал?

Марина. Да. И температура вроде как спала, сейчас измерим. Кушай, кушай, сол-

нышко моё (*качает ребёнка*). Молодец, молодец, умный мальчик, хороший, хороший...

Пётр. Это всё из-за ангела.

Марина. Что из-за ангела?

Пётр. Ну, кушать начал, и температура спала. Тут без ангела явно не обошлось.

Марина. А я что? Эти дни не лечила его, да? В горло не брызгала, свечи не ставила, сиропы не давала, да?

Пётр. Да нет же! Лечила, и ухаживала, и ночи не спала! Но тут же ангел...

Марина. Да ладно ты, ангел... Не ценишь ты меня совсем.

Пётр (*подходит и обнимает жену за плечи*). Да почему же, ценю, ещё как (*целует в щёчку*).

Стук в дверь. Входит **Петровна**.

Петровна. Здравсьте!

Пётр. Здравсьте!

Марина. Привет!

Петровна. Ну, что тут у вас? Дождь-то кончился. Во как. Сегодня под утро перестал. На улице хорошо так. Солнце яркое-яркое и вот такое большое.

Марина. А у нас новость, хорошая новость. Алексей Петрович вот на поправку пошёл. Кушает, тьфу-тьфу-тьфу, и температура вроде как спала (*достаёт градусник*). Так и есть, спала, тридцать шесть и шесть, прямо как в аптеке.

Петровна. Это всё ангел. Не иначе. И солнце во всё небо, и Лёшка вот поправляется, тьфу-тьфу.

Пётр. Вот. И я ей про то же. А она не верит.

Петровна. Нет, к бабке не ходи, это ангел.

Марина. Да почему же я не верю, верю! Лёшечке же, сладкому моему, легче стало! Но я же тоже лечила его, три дня лекарствами пичкала! Зря, что ли, всё?

Пётр. Да не зря, не зря! Но таблетки же с ангелом не сравнишь.

Петровна. И дождь сразу кончился. Сразу. И солнце. Вот посмотрите, солнце во всё

небо. Я такого не видела раньше ни разу. Пойдёмте, пойдёмте.

Марина. Да куда я с Лёшкой-то пойду. Пока не окрепнет, какая улица?

Петровна. Ну, а ты одень его хорошенько. Воздуха-то свежего ребёнку тоже надо хлебнуть. Столько времени в духоте.

Марина. Ой, а он уснул. Смотрите-ка. И не плакал совсем. Тихо. Смотрите, прямо с титькой во рту. Сейчас я положу его в кроватку и пойдём.

Кладёт ребенка в кроватку.

Марина. Раз такое дело, надо в курятник сходить и соломы свежей ангелу подстелить. Он же промок, наверное, весь до ниточки. Может быть, взять ему что-нибудь переодеться? Футболку там или рубашку, штаны, обувь какую-нибудь. А то неудобно как-то. Петя, посмотри, пожалуйста, что-нибудь...

Пётр (*открывает комод и начинает выбирать вещи для Ангела*). А может, мы его в дом возьмём, ну, или в баню. Я баню затопить могу.

Марина. Нет, в дом рано пока. Вот окрепнет Алексей, тогда посмотрим. А баню затопи, ага...

Петровна. А может быть, он есть хочет? С вечера голодный.

Марина. А чем ангелы питаются?

Пётр. Бога созерцают, тем и живы.

Марина. Ну, это на небе. Понятно. А здесь-то чем его кормить? У нас, кроме картошки и капусты, нет ничего. Ой, неудобно-то как (*качает головой*).

Петровна. Я слышала от бабки ещё, что ангелы камфорой питаются.

Пётр. Чем-чем?

Петровна. Кам-фо-рой.

Пётр усмехается и продолжает выбирать одежду.

Марина. Так где же её взять-то, камфору?

Петровна. Нууу, может, в аптеке есть.

Марина. А деньги где взять? Петя вчера в аптеку последние унёс. Врач-то много вся

ких лекарств выписал. Вон, весь стол уставлен. Эх, знать бы раньше про ангела...

Пётр. Слушай, ты же в том году столько банок накрутила! Там же осталось ещё! Помидорчики, огурчики, икра кабачковая. Может, попробуем.

Марина. Видно, ничего не остаётся, кроме как ангела икрой кабачковой угощать. Дожились.

Пётр. Вот, смотри, футболка, почти новая, треники, кеды. Нормально?

Марина. Нормально. Олимпийку ещё возьми. Вдруг к вечеру похолодает (*берёт со стола тряпочную сумку*). Ты только прорези сделай.

Пётр. Какие прорези? Где?

Марина. Ну, для крыльев. Как он футболку-то твою оденет и олимпийку, без прорезей? Головой думай.

Пётр. Блин, точно.

Марина. Ладно, потом сделаешь. Пойдём, в погреб надо лезть. Все заготовки там.

Уходят.

Сцена 5

Двор перед домом Башмаковых. Перед курятником собрались соседи, которые, глядя на Ангела, без малейшего признака набожности развлекаются тем, что бросают ему кусочки еды, сквозь отверстия проволочной сетки, будто это не сверхъестественное существо, а какой-нибудь зверь в цирке.

1-й сосед. Как вы думаете, что теперь с ним будет? Маринка его же изведёт. Не баба, а сущий дьявол.

2-й сосед. Я думаю, его надо главой администрации выбрать.

1-й сосед. Не получится.

2-й сосед. Это почему так?

1-й сосед. Чтобы мы его выбрать могли, ему надо в партию вступить.

2-й сосед. В какую ещё партию?

1-й сосед. Как это в какую? Не знаешь что ли?

2-й сосед. А!!! Понял! Тогда администрация отпадает. Вряд ли он в партию вступить согласится.

3-й сосед. Нет, его надо в храм. Пусть службу ведёт. Расскажет нам о загробной жизни, как оно там на самом деле дела обстоят. Он-то точно всё должен знать, про ад и про рай.

1-й сосед. Он, наверное, и Бога видел.

3-й сосед. Конечно, видел, кому же, как не ему Бога-то видеть.

2-й сосед. Я вот что думаю, его надо на развод оставить. Повысить рождаемость в городе. Баб-то одиноких вон сколько. Опять же укрепится генофонд нации.

3-й сосед. Точно! Тогда можно, например, будет вывести новый вид крылатых, умных людей, которые возьмут на себя все тяготы и лишения нашей жизни. Все проблемы решат, мир обустроят. Мы-то вон как тут засрели всё. Тошно посмотреть.

1-й сосед. А может быть, его в поликлинику надо? А? Врачом? Он-то нас точно вылечит.

2-й сосед (*скептически*). Ага, ты ещё предложи его начальником милиции поставить.

Из дома выходят **Марина**, в руке тряпичная сумка, **Пётр** и **Петровна**.

Марина (*обращается к кормящим Ангела соседям*). Что вы делаете? Отравите! Это же ангел!

1-й сосед. Да ладно. Не очистками же кормим! Бананы, апельсины. Сашка вон орехи принёс кедровые. Экологически чистые. Без всякого ГМО.

Пётр. А с чего вы взяли, что ангелы апельсинами питаются? Или орехами кедровыми?

2-й сосед. Ну а чем же им ещё питаться? Не картошкой же?

Петровна. Я от бабки слышала, что ангелы камфорой питаются!

3-й сосед. Сама камфорой питайся!

Соседи смеются.

1-й сосед. Маринка, слышь, а чё вы теперь с ним делать будете? В цирк сдадите? Или в зоопарк? Может, в больницу? На опы-

ты. Я думаю, за него в долларах можно просить. Или в евро.

Соседи смеются.

Марина. Ну и злые же вы!

2-й сосед. Ну, это кто бы говорил!

Соседи смеются.

Входят **Батюшка** и **Варвара Степановна**.

Марина. Вот нам батюшка сейчас всё и расскажет! Здравствуйте, батюшка! Милости просим!

Батюшка. Мир дому сему! Мир вам, мир! Слышал, что у вас тут нечто неординарное произошло?

Пётр. Вот ангел вчера с неба упал. А эти вот отравить его пытаются.

Батюшка. Ангел, говоришь? Взглянуть позволите?

Пётр. Конечно!

Пётр открывает перед **Батюшкой** проволочную дверь в курятник. Перед тем как зайти в него, настоятель повторяет «Отче наш». Все это время **Ангел** сидит в углу курятника и сушит на солнце распротёртые крылья. Рядом ходят куры. Вокруг валяются куски фруктов. **Батюшка** входит в курятник. **Ангел** поднимает на него глаза и что-то неразборчиво шепчет.

Батюшка. Здравствуй, раб Божий! Кто ты, откуда, расскажи. Как попал в наши края?

Ангел не обращает на **Батюшку** внимания, что-то чертит веткой на земле. **Батюшка** подходит к **Ангелу** и рассматривает крылья. Потом отрясает ладони.

Батюшка. Что же ты молчишь? А? Как обращаться к тебе?

Ангел занят своим делом. Что-то тихо шепчет на своём языке. **Батюшка** выходит из курятника. Достает платок и тщательно вытирает руки.

Батюшка. Давайте помолимся. (*Читает «Отче наш». Крестит троекратно всех присутствующих.*) Что хочу сказать вам, дети мои. Предупреждаю вас об опасности простодушия. Дьявол имеет скверную привычку прибегать к маскарадным средствам, чтобы смущать неосторожных и ввергать их в пучину греха.

Марина. Батюшка, а где же тут средства

маскарадные? Крылья же настоящие! Вы же сами всё видите. Растут вот прямо вот отсюда. (*Показывает на своей спине места, откуда растут у ангела крылья.*)

Батюшка. Ну и что – крылья? Это ещё ничего не доказывает! Разве могут служить крылья основным признаком определения разницы между птицей, например, и самолётом? А? Нет. То-то и оно. А это значит, что ещё меньше по ним можно распознать ангела. (*Пауза.*) Что мы знаем об ангелах? В Святом Писании сказано, что ангелы – существа духовные, бестелесные, одарённые умом, волею и могуществом и занимающие высшую ступень в ряду творения. А этот что? Сами же видите. Жалкое и отнюдь не духовное существо. Но в этом деле всё равно надо разобраться. Вот что: я напишу письмо митрополиту. Он, может быть, какую-нибудь комиссию пришлёт или ещё выше напишет, но вердикт, я в этом не сомневаюсь, будет в любом случае справедливый и исходить от самого высочайшего. А вы (*обращается к Башмаковым*) пока запирайте его на ключ. Мало ли чего. Вдруг он болен чем-нибудь? Вопрос пока не изучен. Я потом ещё приду. Благослови вас Господь! (*Осняет всех крестным знаменем.*)

Батюшка и **Варвара Степановна** уходят.

Марина. Как же так-то? А Лёшка? (*Кричит вслед уходящему Батюшке*) Лёшка-то сразу выздоровел!

Петровна. И дождь вон кончился. Солнце-то вон какое! Посмотрите!

3-й сосед. Странно! Вот все мы уверены, что это ангел, а поп говорит – дьявол.

Петровна. Не поп, а батюшка!

1-й сосед. А какая разница?

Петровна. Большая!

2-й сосед. Выходит, что не знает наш поп-батюшка языка Божьего, раз не сумел приветствовать его посланца.

Марина. Ладно, всё. Хватит тут разговоры разговаривать. (*Обращается к Петру*) Петя, ты давай, отведи его в баню и переодень его. Я тут соломы подстелю. А в погреб потом слазим.

Пётр и Петровна поднимают **Ангела** и уводят в баню.

1-й сосед. Ха-ха! Соломы подстелю!

2-й сосед. Ну ты даёшь, Маринка! Не те-ряешься!

3-й сосед. Ну что, Маринка, готова пе-ринка?

Соседи смеются.

Марина. А ну пошли, пошли отсюда, черти языкастые! *(Прогоняет со двора соседей, махая тряпочной сумкой.)*

Сцена 6

Улица у машины Батюшки.

Батюшка и Варвара Степановна.

Варвара Степановна. Батюшка, спаси Господи, объясни мне, грешной и неразумной старухе, кто он на самом-то деле. Тот, которого мы за ангела приняли?

Батюшка. Вот что я тебе скажу, Варвара Степановна. Признаюсь, что издалека он очень на ангела похож. И те, кто зрением слабы или верой не крепки, вполне могут увидеть в нем посланца Божьего. А вот при ближайшем рассмотрении много вопросов возникает. Сама посмотри, уж очень много в нём человеческого. От него непереносимо несёт сыростью, крылья изнутри облеплены водорослями, маховые перья все истрепаны ветрами. В его жалком облике ничего не напоминает нам о присущем ангелу достоинстве. Во всех святых книгах по-другому ангелы описаны. Как сказано в Святом Писании? «И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом». Гром-ким! Поняла? А этот мямлит что-то себе под нос. Или вот этот отрывок. Опять из Откровения Святого Иоанна Богослова. Глава восемнадцатая, стих первый: «После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его». А здесь? То-то. Так что пусть вера твоя, Варвара Степановна, будет крепкой, спаси тебя Господи!

Батюшка крестит **Варвару Степановну**, она кланяется ему в пояс и целует руку.

Варвара Степановна. Вот оно что? Значит, диавол это? Сам сатана к нам пожаловал?

Батюшка. Ну, не будем так категоричны. Я же сказал, что этот вопрос требует изучения. Сегодня же доложу митрополиту об этом непонятном происшествии. Возможно, что это вид каких-нибудь неизученных животных, которые стоят на грани вымирания. Или ещё что. Говорят же некоторые, что видели, например снежного человека. Вот и этот так называемый ангел тоже какой-нибудь человек. *(Открывает перед старухой дверь своего автомобиля.)* Присаживайтесь, Варвара Степановна. Я вас подвезу.

Садятся в машину и уезжают.

Сцена 7

Дом Башмаковых. **Пётр** сидит у детской кроватки и качает её одной рукой. В другой руке книга. Входит **Марина** с ведром, веником и совком. Держится за спину.

Марина. Слушай, Петя, у меня уже сил никаких нет. Спину даже прихватило. От этих паломников столько мусора! Какие-то пакеты, объедки, бутылки. Представь, даже презервативы попадают! И чем только люди думают! Это же уму непостижимо! *(Проходит в комнату и указывает на часы.)* Вот, смотри, я почти полтора часа убиралась! Оно мне надо?!

Пётр *(не отрываясь от книги)*. Что делать? Всё это человеческое. Слишком человеческое!

Марина. Хм, человеческое... А каких там только чудиков нет! Живём теперь, как в дурдоме. Представляешь, там одна женщина сидит, ну, чокнутая, одно слово. Она спать не может. Не спит уже несколько лет, даже сама не помнит сколько. Говорит, что ей мешают спать молоточки.

Пётр *(продолжая читать книгу)*. Какие ещё молоточки?

Марина. В голове. Стучат молоточки. Тук-тук-тук и спать ей мешают, представляешь?

Пётр. Да уж...

Марина. А другая вообще умора! Я даже не знаю, как это рассказать. Представь? В общем, к ней каждую ночь прилетает Мария Дюваль.

Пётр. А это кто?

Марина. Ясновидящая какая-то или целительница, я не знаю толком. Короче, она прилетает к ней, потом превращается в точку, летает вокруг кровати и жужжит. Спать не даёт. Представь!

Пётр. С ума сойти...

Марина. И ещё, мне кажется, ангел себя плохо чувствует. Да ты на меня-то хоть посмотри! В книгу свою уставился!

Пётр (*отрывается от книги и смотрит на жену*). Да? А что такое?

Марина. Во-первых, на улице жара и духота несусветная. А во-вторых, паломники там всё свечами и разными лампами масляными уставили. Прямо к сетке двигают, чтобы к ангелу поближе. Ему и так там жарко, дышать нечем, а тут ещё эти свечи и лампы. А в-третьих, некоторые, наверное наиболее благочестивые, камни в него бросают. До чего додумались, а?

Пётр. А это ещё зачем?

Марина. А затем, чтобы он встал. Он же в основном лежит, ну, или сидит. А всем же любопытно посмотреть, какого он роста.

Пётр. Ну, и что делать?

Марина. Мне тут, пока убиралась, одна мысль в голову пришла. (*Присаживается на колени к Петру и обнимает его за шею*.) У нас же горбыль за сараем лежит?

Пётр. Ну да, лежит. Забор надо делать, всё времени нет.

Марина. То-то и оно, что забор. Завтра же обнесёшь двор забором, да так, чтоб дощечка к дощечке, чтоб ни щёлочки, понял? Если горбыля не хватит, я у Петровны денег займу, ещё купим.

Пётр. Горбылём без щелей не получится.

Марина. Ну, а ты постарайся! Ты же мужик. Придумай что-нибудь. На нормальные доски у нас денег с тобой нет. Но это пока.

Пётр. А зачем всё это? И так нормально.

Марина. Что нормально? Ничего не нормально! Нечего просто так на нашего ангела

кому попало паяться! Пусть деньги платят, халявщики! Столько там народу! Если с каждого хотя бы по сто рублей брать, это сколько денег-то заработать можно!

Пётр. Да ты у меня предприниматель, я смотрю! Надо же!

Марина. А ты что думал? Я у тебя вообще – золото! А ты не ценишь.

Пётр. Слушай, а чё по сотке-то? (*Пётр и Марина встают*.) Чё щас сотка! Булка хлеба и пачка сигарет! А тут ангел! Чудо! (*Начинает ходить взад и вперёд по комнате*.) Предлагаю по пятихатке брать! Сама же видела, на каких там машинах некоторые приезжают! Для них пятьсот рублей – тьфу, мелочь!

Марина. И то верно. Молодец. Так, всё, решено. Пока Лёшка спит, пойдём, горбыль посмотрим. Прикинем, что к чему. Если его там мало, я сразу к Петровне зайду, денег займу.

Пётр. Да не надо занимать! Я с пилорамы привезу, если не хватит, там обрезков разных много.

Марина. И то верно. Ваньке позвони. Пусть поможет. Сколько водки вместе выжрали, а толку никакого. Вчера-то хоть помнишь, что вы вытворяли?

Пётр. Ну, так, смутно...

Марина. Смутно? Припёрлись всей компанией! С ума все посходили, вот что было! Пытались ангела водкой напоить! Если бы не я, отравили бы его к чёртовой матери.

Пётр. Е-моё...

Марина. Вот тебе и ё-моё! Ванька ему под нос рюмку суёт, Серёга – кусок сала, ты их остановить пытаешься... Кошмар просто какой-то.

Пётр. Всё, всё, не рассказывай мне больше...

Марина. Нет, ты послушай! Умнее, может быть, в следующий раз будешь! Хорошо, я вас вовремя разогнала! Не знаю, что бы дальше было! Ангел бы, наверное, пешком из этого дурдома ушёл! Ладно, хватит болтать, пойдём, горбыль посмотрим, прикинем, что к чему.

Уходят.

Сцена 8

Батюшка обедает у себя дома. Аппетитно грызёт ножку курицы. Стол завален разнообразной снедью. Посреди стола – графин с красным вином. Входит

Варвара Степановна.

Варвара Степановна. Благослови, батюшка!

Батюшка (*пережевывая пищу*). Спаси Господи, Варвара Степановна! Спаси Господи!

Варвара Степановна. Вот письмо вам пришло. Без очков только не могу разобрать от кого.

Батюшка (*вытирает руки о салфетку*). Ну-ка, давай, посмотрим. Может быть, митрополит отписался. Время-то уже порядком прошло!

Варвара Степановна подаёт Батюшке конверт.

Батюшка. Действительно! Лёгко на помине, прости Господи! (*Крестится и открывает конверт*). Так... так... вот... ага. «Для установления принадлежности описываемого вами субъекта к святому воинству необходимо выяснить, имеется ли у пойманного пуп». (*Отрывается от письма.*) Во как, пуп. Хмм, да. Пуп искать придётся. Понятно. Так, далее, «не похож ли язык, на котором он говорит, на арамейский». (*Отрывается от письма.*) Да он вообще ничего не говорит, бу-бу да бу-бу, вот и весь его язык. Так, ага, «может ли он, без нанесения себе вреда, несколько раз упасть на булавочное остриё. О проведенных опытах следует доложить незамедлительно». Подпись и печать. Вот как. (*Наливает из графина вина и выпивает.*)

Варвара Степановна. Так что, они комиссию не пришлют, что ли?

Батюшка (*закусывая*). Выходит, что нет. Самому разбираться придётся.

Варвара Степановна. Дааа, дела...

Батюшка. А что там нового? Ну, как они там?

Варвара Степановна. Петька Башмаков ограду свою глухим забором обнёс и теперь аж по пятьсот рублей берёт за то, чтобы на ангела посмотреть.

Батюшка (*перебивает*). Ты это, ангелом пока его не называй. Не установлена пока высшим духовенством принадлежность его. Нам ещё вон опыты проводить надо будет.

Варвара Степановна. Не буду, не буду, батюшка, прости Господи (*крестится*). Так вот я говорю, что это всё Маринка! Сам бы он в жись не додумался, чтобы по пятьсот рублей брать. Она у него ещё та штучка, прости Господи (*крестится*). Вот в прошлом году...

Батюшка (*перебивает*). Варвара Степановна, ты мне про Марину Башмакову потом как-нибудь расскажешь. Хорошо? Что там ещё?

Варвара Степановна. Ну вот я и говорю, по пятьсот рублей берут, чтобы просто посмотреть, ну или попросить у него что-нибудь. Народу там тьма-тьмушая. Даже на дорогих машинах приезжают, вот с такими мордами, прости Господи, и с цепями на шеях, даже потолще чем у вас. То ли бандюки, то ли депутаты, их же не разберёшь. Все одним миром мазаны. Вчерась вот, говорят, из Москвы делегация была. Все на черных жипах, по нашим-то дорогам только на жипе, ну или на тракторе проехать можно. Намедни Славка Чаплыгин, сосед мой, выгнал свою дристалку, прости Господи (*крестится*). И квартала не проехал, как в колею сел. Куда же это годно...

Батюшка (*перебивает*). Варвара Степановна, ты это, с мысли не сбивайся, про Генку ты мне потом тоже расскажешь, ага?

Варвара Степановна. А что мне про него рассказывать, алкаш – он и есть алкаш!

Батюшка (*повышает голос*). Варвара Степановна!

Варвара Степановна. Ой, батюшка, простите! Простите меня, бабу болтливую, прости Господи (*крестится*). Грех это, людей судить. Старухи говорят (*шепчет на ухо Батюшке*), что от самого губернатора даже приезжали! Вопросы, говорят, государственные задавали. То да сё. Мол, как дальше жить? И будет ли война?

Батюшка. А что толку-то вопросы ему задавать, он же всё равно молчит, бормочет

что-то себе под нос, прости Господи (*крестится*).

Варвара Степановна. А говорят, что он отвечает некоторым, но не так, чтобы словами, ну, не как мы с вами вот говорим, а по-другому. Как-то так отвечает, что люди понимают всё. Сердцем, что ли. (*Пауза*.) А сколько там калек! Господи! Хромые, косые, слепые! Господиии!

Батюшка. Он их что, лечит?

Варвара Степановна. Ну да. Некоторые даже норовят перо у него вырвать, чтобы к больному месту приложить. (*Закатывается от смеха*.) Ванька тут, ну, Сидоров-то, чё учудил! Ха-ха! Ну, сосед Башмаковых, знаете, ну, через огород, вот так наискосок. Он это перо ангелово, ой, прости Господи (*крестится*), перо его к какому себе месту прикладывал, ха-ха-ха, сказать совестно, прости Господи! (*Крестится*.)

Батюшка (*обрывает Варвару Степановну*). Ты это, хорош тут подробности такие докладывать! Про места разные. Что там ещё?

Варвара Степановна (*резко прекращает смеяться*). Прости Господи! (*Крестится*.) Так вот, калек там видимо-невидимо!

Батюшка. Ты скажи толком, помогает? Помогает он людям-то?

Варвара Степановна. Ой, всякое там бывает. Всякое. Так сразу и не поймешь, что к чему. Помогает или нет...

Батюшка. Как это непонятно? Тут либо помогает, либо нет...

Варвара Степановна. А вы вот сами посудите. Такой случай: был там слепой один. Всё просил, чтобы зрение к нему вернулось. А у него, представляете, вместо этого три новых зуба выросло! Представляете! Белые-белые, крепкие такие! Вот бы мне так, а то у меня-то коренные все под корень сточились...

Батюшка. Ты не вздумай у него ничего просить! Грех это...

Варвара Степановна. Упаси Господи, батюшка!

Батюшка и Варвара Степановна дружно крестятся на иконы.

Батюшка. Ну, что ещё знаешь?

Варвара Степановна. Ещё... Был там паралитик какой-то один. Как же его звали-то? (*Пауза*.) Нет, не припомню. Не русский. Грузин или армян, что ли. Он всё ещё в пинджаке таком блестящем ходил, при галстукке, с браслеткой золотой на руке и кольцами, как же его звали-то? (*Задумывается*.) Ходил ещё вот так вот, криво. (*Показывает*.) Прости Господи. (*Крестится*.)

Батюшка. Да Бог с ним, Варвара Степановна! Что было-то?

Варвара Степановна. С ним? Просил, тоже просил. Ну, чтобы прямо ходить, понятно. Но прямо ходить он так и не стал, хоть и был тут цельную неделю. Зато, представляете, в лотерею выиграл! Говорят, какой-то джек-порт! Говорят, тыщи, а то и миллионы! Вот и пойми после этого... Помогает он людям али нет.

Батюшка (*наливает стакан красного вина и выпивает*). Да, дела... И мне одному всё это (*пауза*) разгрести, прости Господи! (*Крестится*.)

Варвара Степановна. Да вы разберётесь! Вы грамотный такой! Семинарию закончили.

Батюшка. Да, деваться-то некуда. Придётся. (*Пауза*.) Значит, так, Варвара Степановна. Нечего откладывать. Прямо сейчас и пойдём к Башмаковым. Чего тянуть-то?

Варвара Степановна. И я с вами, что ли?

Батюшка. А что? Судя по всему, ты там лучше всех обстановку знаешь. Вон и про зубы знаешь, и про джек-пот.

Варвара Степановна. А как мы опыты-то эти проводить будем? Вдруг он не согласится?

Батюшка. Пока не знаю. Будем действовать по обстановке. Думаю, врача надо взять. Проведём медосмотр. Давление, пульс, ну, и прочие параметры. Так, для общего сведения. Всё это запротоколируем. Мне же отчет надо будет митрополиту писать.

Варвара Степановна. А где мы врача-то возьмём? В область, что ли, ехать придётся?

Батюшка. Времени нет. С местным

фельдшером пойдём. Пусть он посмотрит. Анализы, может быть, ещё какие-то возьмёт.

Варвара Степановна. Так Виталка же только зубы драть умеет. И то слава Богу.

Батюшка. Ну, а если нет другого? Сойдёт и этот.

Встают, крестятся и кланяются на иконы.

Батюшка. Ну, с Богом!

Уходят.

Сцена 9

Двор перед домом Башмаковых. **Батюшка, Варвара Степановна и Фельдшер.**

Батюшка (*Варваре Степановне*). Ты же говорила, здесь полный двор? Где все-то?

Варвара Степановна. А мне откуда знать? С утра ещё тут табунами ходили.

На крыльцо выходит **Марина**.

Батюшка. А вот Марина вышла. Пойдёмте, спросим у неё.

Батюшка, Варвара Степановна и Фельдшер подходят к **Марине**.

Батюшка. Мир вашему дому! Мы узнать хотели, где все страждущие? Куда подевались?

Варвара Степановна. Их ещё с утра вон сколько было! Куда делись-то все?

Марина (*подметая крыльцо*). А вы что, не знаете? Сегодня же концерт на стадионе!

Батюшка. Концерт? Какой концерт?

Марина. А Бог его знает. Приехали гастролёры какие-то. Какие-нибудь: «Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша» или того хуже. Пронюхали, поди, что здесь народ кучкуется. Пива привезли. Шашлыки жарят. Вот все туда и ломанулись.

Варвара Степановна. А ты что не на концерте?

Марина. А с ребёнком моим ты сидеть будешь?

Варвара Степановна. Так пусть бы Петька посидел.

Марина. Что ты ерунду-то говоришь? Петя за пиломатериалом уехал. Мы дом новый строить собираемся.

Батюшка. А мы к постояльцу вашему пришли. Осмотреть его нам надобно.

Марина. Ангела осмотреть? Заболел он. Жар у него и сильный кашель.

Варвара Степановна (*батюшке*). А может быть, у него это, как его... птичий грипп...

Батюшка (*Варваре Степановне*). Не болтай лишнего, Варвара Степановна (*Марине*). А мы с врачом. Он и осмотрит его сразу на предмет заболевания.

Марина. Да вижу я, с каким вы врачом пришли. Осмотреть, конечно, можете, только вот лекарств никаких ему давать не дам. Я народными средствами его на ноги поставлю. А то знаем мы вас.

Фельдшер. Зря вы так, Марина Геннадьевна. Я, между прочим, диплом имею. Фельдшера.

Марина. Тебе с этим дипломом на ферме только работать. (*Пауза.*) Так и быть, проходите уже, если пришли.

Все проходят в курятник к **Ангелу**. Он сидит, обхватив колени руками.

Батюшка. Мир вам!

Ангел не реагирует, что-то бормочет под нос.

Батюшка. Salve! Salutem tibi!

Ангел не реагирует.

Варвара Степановна. Совсем плохой, ничего не слышит.

Марина. А ты что хотела, чтобы он в пояс поклонился и перекрестился? Да?

Батюшка. Марина Геннадьевна, не ёрничайте. Давайте приступим к осмотру. Виталий Иванович, прошу.

Фельдшер надевает перчатки и начинает измерять **Ангелу** давление.

Батюшка. А чем это здесь пахнет, так...

Марина. А я тут перед самым вашим приходом карболкой мыла и миррой окуривала.

Батюшка. Миррой?

Марина. Ну, да. Чтоб зараза разная не распространялась.

Фельдшер. Ого! Давление-то высокое! 160 на 100! Давайте-ка я вас послушаю. (*Прикладывает к груди Ангела стетоскоп*). Тааак, дышите, не дышите.

Батюшка (*Марине*). Давно он недомогаёт?

Марина. Первое время уж очень он страдал от жары и от ламп, которые перед сеткой паломники жгли, потом ничего, пообвыкся. Даже кушать начал. Очень уж ему по вкусу моя икра кабачковая пришлась! Теперь только её и ест.

Батюшка. Ну, а заболел-то когда?

Марина. Сегодня с утра ещё хорошо себя чувствовал. Помогал Пете дрова рубить. Силища у него, я вам скажу. Комель вот такой ширины с одного удара – в щепки! А после обеда слёг.

Фельдшер. Давайте ещё и температуру измерим. Тааак. (*Ставит Ангелу градусник и осматривает его крылья*.)

Варвара Степановна (*фельдшеру*). Слышь, Виталька, ты это, глянь, есть у него пуп или нет.

Фельдшер. Что?

Варвара Степановна. Ты что, глухой? Посмотри, пуп есть или нет?

Фельдшер. Варвара Степановна, давайте пока оставим это вопрос, вы лучше сюда посмотрите. Надо же, а...

Батюшка. Что такое?

Фельдшер (*задумчиво*). Надо же... Как растут крылья? Вот, взгляните (*пауза*). Они настолько естественны для этого вполне человеческого организма, что остаётся только удивляться, почему их нет у остальных людей... Вот, видите? Удивительно... Они у нас должны быть...

Батюшка. Знаете, мне сложно судить об этом... Святое Писание...

Марина (*перебивает Батюшку*). А вы, я вижу, всё ещё не верите, что это ангел, да?

Фельдшер возвращается к осмотру Ангела.

Батюшка. Видите ли, Марина Геннадьевна, те знания, которые мы можем почерпнуть из священных книг, не дают нам повода однозначно признать данную особь ангелом.

Марина. А при чём здесь книги? Вот же он, ангел, перед вами!

Батюшка. Я могу привести десятки примеров из Священного Писания, где описываются ангелы. Вот, например, в Откровении Святого Иоанна Богослова...

Марина (*перебивает*). А люди? Посмотрите, сколько людей к нему пришло? Большая часть из них никогда не читала Святого Писания, а ангела в нём признала. Люди отовсюду сюда приехали.

Батюшка. Господь с вами, Марина Геннадьевна! Ну, и где все эти люди? Убежали смотреть очередную игрушку. Променили его на мясо, пиво и юбочку из плюша. А эти его так называемые исцеления? У слепого выросли новые зубы, а хромым сорвал джекпот! Как это понимать?

Марина. Да ладно! Я вас убеждать ни в чём не собираюсь. Для меня главное, что я в нём ангела признала. И объяснения мне ваши не нужны. Я сердцем вижу.

Батюшка. Пусть так. Но если вы видите в нём Божьего посланца, почему вы тогда берёте деньги за его посещение? Ведь это грех.

Марина. Да, берём. А где нам их ещё взять? Петя мой с утра до ночи спину гнёт на пилораме, а ему там копейки платят! Куда это годно?

Фельдшер. Ну что, общий осмотр окончен.

Батюшка. Ну, и как он себя чувствует?

Фельдшер. Здесь целый букет. Повышенное артериальное давление, шумы в сердце, хрипы в легких, температура 38 и 5. Кашель. Ну, давление, скорее всего, возрастное, а вот температура и кашель свидетельствуют об остром респираторном заболевании. Необходимо прежде всего постельный режим, приём антибиотиков, ну и в горло можно побрызгать «Ингалиптом» каким-нибудь...

Марина. Никаких таблеток ему давать не разрешу! Сама вылечу. Мы с Петей ему сегодня в доме постелем. Сейчас куриным бульоном его покормлю. На ночь чая с мёдом дам. Банки поставлю или горчичники. Травы у меня разные припасены. Обойдёмся. Ему, главное, покой нужен.

Варвара Степановна. Что это ты командуешь? Нам ещё опыты проводить велено! Булавкой тыкнуть! У нас и бумага на этот счёт имеется! С печатью и подписью!

Марина (*заслоняет Ангела собой*). Себя тыкни! Не дам!

Варвара Степановна. Дашь, куда денешься! Он что, твоя собственность? А вдруг у него птичий грипп?

Марина. Это у тебя птичий грипп! Он в моём доме живёт, и мне решать, тыкать его булавками или нет!

Батюшка. Успокойтесь, успокойтесь, пожалуйста, не кричите. Действительно, давайте дождёмся полного выздоровления пациента и потом продолжим наше исследование. Вы, Марина Геннадьевна, всё правильно делаете. Заберите его в дом. Пусть отлежится. А мы пойдём.

Варвара Степановна. Ишь, командирша какая! Себя тыкни! Мы ишо придём!

Марина. Приходи, приходи! Как придешь, так и уйдёшь!

Марина провожает **Ангела** в дом. **Батюшка**, **Варвара Степановна** и **Фельдшер** уходят со двора.

Сцена 10

Дом Башмаковых. Обстановка в комнате изменилась в лучшую сторону. Появилась новая мебель, плазменный телевизор и т. д. В комнате на диване лежит **Ангел**. Рядом сидит **Марина**, одетая в красивый и дорогой халат. Входит **Петровна**.

Петровна. Ну, как он?

Марина. Тяжело. Всю ночь бредил. Говорил что-то быстро, быстро. Я всю ночь его караулила. Сейчас вот уснул.

Петровна. Может, легче стало?

Марина. Не знаю. Температура вроде меньше. (*Касается губами лба.*)

Петровна. А вдруг он умрёт?

Марина. Да ты что? Типун тебе на язык!

Петровна. А что? Это дело такое... Все под Богом ходим.

Марина. Нет, всё хорошо будет, я верю.

Петровна. А вот помрёт если? Как думаешь, что с мёртвыми ангелами делают? А?

Марина. Да не помрёт он!

Петровна. Ну а вдруг?

Марина. Да не знаю я.

Петровна. Хоронить же, наверное, придётся. Так же не оставишь. А как его такого в гроб-то положить? А? Крылья вон какие огромные! По спецзаказу делать придётся.

Марина. Слушай, Петровна, не болтай ерунды.

Петровна. Я смотрю, все паломники-то разъехались.

Марина. А что им тут делать-то теперь? Они же о себе только думали. А как их желания исполнять стало некому, они и разбежались.

Петровна. Ой, ну а как он желания-то исполнял? Чудеса его эти на насмешки были больше похожи. У меня вон до сих пор вместо огурцов на грядке бананы растут! А я что, просила?

Марина. Что просила, то и получила. Сердцем надо было просить и душой. А то, что разъехались все, так я только рада.

Петровна. Почему?

Марина. Надоели они все! Как в дурдоме жили.

Петровна. Зато деньги! Начали вот дом новый строить.

Марина. Ты знаешь, в какой-то момент, я поняла, что не это главное. Конечно, всё это здорово. Новый дом будет, шмоток вон разных набрали. Петя решил бычков на продажу разводить. Теперь уже не думаешь, чем завтра ребёнка и мужика накормить. Но как только ангел заболел, у меня как будто всё оборвалось внутри. А потом словно глаза открылись. Не это, не это, вот всё главное. Когда вот здесь (*прижимает руки к груди*) покоя, мира нет, тогда и не надо ничего. Ни домов, ни бычков.

Петровна. Ну, ты даёшь, Маринка, расфилософствовалась!

Марина. Я в какой-то момент поняла, что не то главное, что руками ухватить можно.

Петровна. Ну, раньше ты по-другому думала. Когда Петька пять тыщ домой приносил, я помню, как ты его костерила. А теперь-то, когда о жратве думать не надо, конечно, можно и о вечном порассуждать!

Входит Пётр с ребёнком на руках.

Пётр. Привет, Петровна!

Петровна. Привет!

Пётр. Марин, возьми Алёшку.

Марина. Чё, спит?

Пётр. Да, на свежем воздухе сразу отрубился.

Марина. Ну, надо было тогда ещё погулять.

Пётр. Да мы же с Ванькой договаривались за брусом ехать.

Марина берёт ребёнка у **Петра** и кладёт его в кроватку.

Пётр (*переодевается в старую куртку*). Как он?

Марина. Жар вроде бы спал. Уснул недавно.

Петровна. Ну, и что вы теперь с ним делать собираетесь?

Пётр. С кем?

Петровна. Ну, с ангелом, конечно. Он что, и будет вот так у вас жить?

Пётр. А что в этом такого? Пусть живёт.

Марина. Петя в новом доме даже комнату для него предусмотрел!

Петровна. Ну, вы даёте! Как вы с ним жить-то в одном доме будете? Крылья-то вон какие здоровенные! Тесновато будет! Вы о ребёнке-то подумали?

Пётр. Ничего. В тесноте, да не в обиде. Да и дом я не маленький строить собираюсь. Четыре комнаты и зал. На перспективу. Правда, Марин? Всем места хватит.

Петровна (*Марине*). Так у него же блохи в крыльях завелись! Сама говорила.

Марина. Блох мы выведем. Это не проблема. Главное, чтобы выздоровел.

Петровна. Ну, как знаете!

Пётр. Ладно, Марина, я побежал, всё, пока.

Марина целует мужа. **Пётр** уходит.

Петровна. И я, пожалуй, пойду.

Марина. Ладно, пока.

Петровна уходит. Начинает плакать ребёнок. **Марина** берёт его с кровати и уходит в кухню.

Сцена 11

Поздний вечер. Кухня в доме Башмаковых. **Марина** готовит ужин. Громкий стук в дверь.

Марина (*вытирает руки*). Ну, сейчас, иду, иду! Кто там ломится-то так?

Марина открывает дверь. Входит **Варвара Степановна** вся в слезах.

Варвара Степановна. Здравствуй, Марина! Горе-то какое! Горе! А-а-а!

Марина. Что? Что случилось?

Варвара Степановна. Горе! Какое горе! Как? Как пережить такое? А-а-а! И откуда изверги-то такие берутся? А-а-а! И, как таких земля только носит?

Марина. Да объясни ты толком, что случилось?

Варвара Степановна. Кто-то напал на нашего батюшку, на солнце наше ясное! А-а-а! Ему сегодня пожертвование принесли. Деньги на ремонт в храме. Вот кто-то и позарился на них. Два раза ножом ударили! А-а-а! Нелюди!

Марина. Когда это случилось?

Варвара Степановна. Часа три назад.

Марина. А батюшка-то жив?

Варвара Степановна. Отходит...

Марина. А врача-то, врача вызывали?

Варвара Степановна. Да вызывали. Говорит, рана, не совместимая с жизнью. Вот вот помрёт.

Марина. Ну, а ко мне-то ты чего прибежала? Я же не врач.

Варвара Степановна. Ангел...

Марина. Что ангел?

Варвара Степановна. Только он! Только он и сможет помочь! Христом Богом молю!

А-а-а! Уговори его! Пусть он спасёт бабушку! Он же всё может! Он же ангел! А-а-а!

Марина. Легко сказать, уговори! Да и вряд ли поможет. Бабушка же не верил в то, что он ангел, так что вряд ли он поможет.

Варвара Степановна. Но делать-то больше нечего, это последнее средство! Последнее! Мариночка, на тебя вся надежда! На тебя! А-а-а! Да и не думаю я, что он прямо уж вот так не верил. Просто у него положение такое было. Он же здесь власть церковную представлял. А тут, сама посудите: свалился с неба ангел, не похожий вовсе на ангела, ну, на такого ангела, который в книгах описан. И что ему оставалось делать? Как объяснять людям? Почему в Писании вон какие ангелы, а в курятнике вашем вот такой сидит. А? Одно слово, политика!

Марина. А людям и не надо было ничего объяснять. Люди сами всё видели. Глаза-то есть. А тем, у кого сердце открыто, глаза и вовсе не нужны.

Варвара Степановна. Марина, ну, давай попробуем! А-а-а! Как же мы без бабушки-то? Осиротеем!!!

В окно кухни врывается порыв ветра. **Марина** и **Варвара Степановна** выглядывают в окно и видят взлетающего **Ангела**.

Марина. Улетает!

Варвара Степановна (*всплеснув руками*). Куда ж это он?!

Марина. А мне почему знать? Не докладывал. Он себе дудочку вчера из вербы вырезал и играл сегодня весь день.

Варвара Степановна. Ну, вот последняя надежда улетела. Ладно, пойду я. (*Внезапно у Варвары Степановны подкашиваются ноги.*) Ой, что это со мной? Ноги аж подкосились. Марина, ты бы проводила меня. Сделай милость.

Марина (*помогая встать Варваре Степановне*). Конечно, конечно, пойдёмте, я вас провожу.

Уходят.

Сцена 12

Дом **Бабушки**. Хозяин, голый по пояс, в тренировочных брюках, отжимается от пола. Входят **Марина** и **Варвара Степановна**.

Варвара Степановна. А-а! (*Падет в обморок.*)

Марина (*испуганно, склоняясь над Варварой Степановной*). Я что-то не пойму ничего! А где же смертельно раненный священник?

Бабушка (*отжимается от пола*). Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! (*Заканчивает отжиматься и встаёт на ноги. Берёт полотенце и вытирает пот.*) Мир вам, Марина Геннадьевна! Рад вас видеть!

Марина. Здравые. Но вы вообще-то, как мне Варвара Степановна сказала, должны уже предстать перед Создателем! А вы тут сорок девять, пятьдесят? Как это понимать?

Бабушка подходит к столу и берёт с него большое ангельское перо.

Бабушка. Вот, в этом всё дело. Я очнулся, а на полу вот, перо лежит.

Марина. Ангел? Ангел был у вас?

Бабушка. Да, ангел! Спас меня, можно сказать, воскресил из мёртвых. Сегодня люди состоятельные на храм пожертвовали. Денег дали, и много денег. Можно было хороший ремонт сделать. (*Пауза.*) Я домой пришёл, а дверь забыл запереть. Ну, а они следом за мной в дом. Видимо, знали о деньгах и следили.

Марина. А кто это они?

Бабушка. А Бог их знает. Лихие люди. Помню, острая боль вот тут, в районе печени, и всё. А потом как будто со стороны себя увидел. Описание такое, как в книге «Жизнь после смерти», помните?

Марина. Это про туннель где?

Бабушка. Ну, да. Эти двое, ну те, которые меня ножом пырнули, в черных таких куртках, в капюшонах, из сумки деньги вынимают и по карманам рассовывают. А я из-под потолка на них смотрю. Потом, помню, по туннелю несусь, а в конце него – свет! Яркий такой! Ослепительный! И тут меня

ангел на руки берёт. Мне так хорошо стало! Так хорошо! Слов нет таких, чтобы описать всё блаженство, которое я испытал тогда. Мне подумалось, что вот он – рай, вот оно, прикосновение Бога к душе! Или души к Богу. Хотя какая разница! А потом я очнулся у себя на диване. И такую силу ощутил в своём организме, какой никогда не испытывал!

Марина. И что, сразу отжиматься?

Батюшка. Даже не знаю, что со мной такое произошло. Встал и зарядку начал делать. А что в этом плохого? В здоровом теле – здоровый дух! Я ведь и в школе, и в военном училище боксом серьёзно занимался. Был, кстати, перспективным средневесом (*имитирует боксёрские движения*). Чемпионом Северо-Западного военного округа. В семинарию-то я уже в тридцать лет поступил, после того как из Югославии вернулся.

Марина. Ну, а рана?

Батюшка. Да нет никакой раны! Вот, смотри! Даже шрама не осталось.

Марина (*устало*). И слава Богу! Я пойду, пожалуй. А вы о Варваре Степановне позаботьтесь, пожалуйста. А то и ей ангела вызывать придётся, а он, по-моему, уже далеко.

Батюшка. Так он улетел, что ли?

Марина. Да, улетел. Ладно, пойду я. До свидания.

Марина уходит. **Батюшка** приводит в чувство **Варвару Степановну**.

Сцена 13

Марина приходит домой. **Пётр** ужинает на кухне. **Марина** садится на диван и начинает громко плакать.

Пётр. О, Мариша! Ты где была? Что плачешь-то? Ангела что-то не видать? Он обычно в это время уже спит.

Марина (*плачет*). Он, он, улетеееел....

Пётр. Как улетел? Когда? Ты сама видела?

Марина (*качает головой*). Да...

Пётр. Что? Прямо вот так улетел?

Марина. Да. Прямо вот так...

Пётр. Так и не сказал ничего?

Марина. Нет.

Пётр (*прижимает к себе Марину*). Не плачь, не плачь, родная. В конце концов, ангелам не место среди людей.

Марина. Ну а почему? Почему так?

Пётр. Потому что ангел – это в первую очередь посланец. Он явился, принёс нам весть от Бога и должен возвратиться вновь туда, откуда пришел. Таковы правила.

Марина. А какую весть он принёс нам?

Пётр. Пока не знаю, но, думаю, со временем мы это обязательно поймём. Только позже.

Марина (*продолжает плакать*). Но ему же у нас было хорошо, ведь правда?

Пётр. Конечно, конечно, хорошо. А помнишь, как он храпел? Ужас! Да?

Марина (*немного повеселев*). Да! Это кошмар какой-то был!

Пётр. Пока его на бок не перевернёшь, какие он звуки издавал, просто трубы Иерихонские!

Марина. И по хозяйству всё-всё помогал. Помнишь, как он кастрюли мои все отмыл? А? Как новые стали!

Пётр. А мой культиватор? Как новенький теперь работает! А то бензин жрал, как «Лексус»!

Марина. А как он с Лёшкой здорово играл!

Пётр. Да! Кстати, а дудочка его осталась.

Марина. Пусть Лёшке на память будет. Ладно?

Пётр. Пусть.

Марина снова начинает рыдать.

Пётр (*легко трясёт за плечи*). Марин, Марииннааа! Маришь, ну, не плачь, не плачь, родная.... Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было.